

сложилась ситуация культурной растерянности, и сквозь эклектичную субстанцию просматривается контур некой *постцивилизации*.

Конечно, понятие «постцивилизация» двусмысленно, тем более что цивилизацию я все-таки понимаю не как культурный круг. Для меня цивилизация существует скорее в координатах маркиза Мирабо — как градус политеса, цивилизованности человека и общества, нежели как выраженное своеобразие и феноменологическая оригинальность. Феноменологическая специфичность для меня — скорее свойство культуры, качество культурной организованности. А цивилизация — составная часть вполне банальной триады: *архаизация — варварство — цивилизация*, т. е. цивилизацию я прочитываю диахронно, а не пространственно, как трансценденцию обстоятельств и повышающийся градус свободы.

Но именно поэтому понятие «*цивилизация после цивилизации*» не вполне удобно, оно *горчит*... Возможно, точнее было бы сказать, что мы вступаем в непознанную, *четвертую* фазу социальной организации (после архаики, варварства, цивилизации). Удивительным образом данное понятие корреспондирует четвертому состоянию вещества (твердое, жидкое, газообразное, плазменное), напоминая отдельными чертами характеристики именно турбулентного (плазменного) состояния. В физике формирующегося миропорядка намечается диссипативное, неравновесное, но устойчивое соединение цивилизации и дикости, футуризма и архаики в некотором синкретичном культурном контексте. И, возможно, конфликт на планете разворачивается как раз между призраком этой грядущей постцивилизации и современным миром Большого Модерна.

Миропознание: современная книга перемен

Специфика времени, которое мы переживаем — предчувствие социального *Big Bang*'а, глобальная трансформация казавшихся незыблемыми основ современного строя.

История — *axis mundi* человеческого общежития, результирующее пространство сил и гения человека, перманентной трансценденции внешней и внутренней природы в поисках различно толкуемого идеала абсолютной свободы. Это мир дальних устремлений, окутанных повседневностью дольного бытия. Но одновременно история — синергийный процесс самоорганизации человеческого сообщества во времени и пространстве. Мир людей — социокосмос — является сложным организмом, развивающимся по своим законам. Формальными принципами организации социальной системы представляются: *антропный, диалоговый, голографический* и принцип *сохранения динамической целостности*.

Антропный — ибо общество, нарушающее этот принцип, превращается в «археологический рай», своего рода ахронию, утратив историческое бытие. Кроме того, социосистема антропна и в другом смысле, представляя фрактальное подобие «большого (совокупного) человека»: Адама-Кадмона, в своей архитектонике повторяя логику сложноорганизованных объектов, включая биологические.

Диалогична она — ибо ее бытие есть перманентный, хотя и асимметричный диалог доминантно-открытой и доминантно-закрытой систем: «европейского» и «азиатского» способов бытия, двух «полушарий» глобального социомозга.

Голографична — поскольку асимметричные образования содержат, тем не менее, всю совокупность «молекул» и кодов — включая антагонистичные — но, естественно, в существенно различной композиции и пропорциях.

Наконец, мир людей во всех трансформациях и проектах стремится к своеобразной икономии (снисхождению к практике) — воплощая и полноту предельного образа, и уникальность антропологических ситуаций (проявлений свободы воли), вносящих импровизации, синкопы и диссонансы в логику событий при сохранении динамической целостности структуры, которая и является историей.

Познание закономерностей «исторической физики» вряд ли возможно без существенных потерь отделить от

рассмотрения мировоззренческих коллизий, от «исторической метафизики». Организация и дивергенция социального космоса проявляются как суммарный результат действий совокупного человечества, пытающегося с максимальной полнотой выразить свою сущность и потенциал через последовательную реализацию обретаемых степеней свободы. То есть, шаг за шагом воплощая, с теми или иными потерями (икономией), некий идеальный образ истории, реализуя социогенетику телеологичного замысла (промысел).

Из данного предположения вытекает ряд прикладных следствий. В частности, то, что построение внеинерционных, нелинейных форм прогноза, — т. е. наиболее эффективных его моделей, способных охватить своим горизонтом качественные переходы, ведущие к утверждению иного рисунка социальных связей, — возможно лишь при продвижении от общего к частному, а не наоборот. Иначе говоря, подобный тип дедуктивного прогнозирования — *структурное моделирование* — возникает не из суммы накопленного человечеством опыта, но в результате частичного познания целостного «генома» (инварианта) истории, ее генеральной структуры и целеполагания.

* * *

Диапазон современных прочтений миропорядка необычайно широк (что отражает возросшую полифонию человеческой свободы), и с порога XXI в. можно разглядеть ландшафты, ранее неведомые историческому взору²⁴.

Отвергнув в свое время патернализм религии и традиционализма, общество теперь, кажется, склонно обменять

²⁴ Библиографию зарубежных работ по данной проблематике, опубликованных в конце века, см. в статьях автора «Осмысление Нового мира» («Восток». 2000. №4) и «A la carte» («Полис». 2001. №4). Теме социокультурных революций и глобальной трансформации посвящена трилогия автора, публиковавшаяся в журнале «Новый мир»: «Эпилог истории, или Пакс Экономикана» (1999. №9), «Глобальный город: творение и разрушение» (2001. №3), «Трансформация истории» (2002. №9).

завоеванную, но оказавшуюся обременительной и связанной со смертельным риском свободу на изрядную толику иллюзий, персональный комфорт, безопасность.

Культура комфорта и безопасности отчетливо заявила о себе в последние десятилетия XX в. И как неожиданный ответ на данный культурный вызов на мировую арену выходит «системный терроризм» — система точечных, но высокоэффективных акций, обладающих мощным эффектом резонанса: хорошо просчитанного последствия, значимо проявляющегося именно в данной культуре. Речь, таким образом, идет о весьма специфичном инструменте частного (нелегального) управления обществом со стороны влиятельных, но безликих организаций: аморфной и эклектичной *власти вне государства*, оперирующей транснациональными эскадронами смерти.

На сегодняшний день можно выделить три ключевых аспекта складывающейся реальности Нового мира:

- цивилизационная динамика на рубеже тысячелетий;
- трансформации, происходящие в сфере международных отношений;
- изменения в области структур управления и генезис новых оргструктур.

Если попытаться обобщить мнения, которые высказываются в интеллектуальном сообществе о процессах, происходящих в мире, они, пожалуй, могут быть сведены к трем концептуальным позициям.

Первая достаточно проста. Она сводится к тому, что в мире, по большому счету, ничего принципиально нового не происходит. К примеру, через некоторое время после событий «одинадцатого сентября» появилась статья Фрэнсиса Фукуямы «*Началась ли история опять?*», суть которой в том, что трагические и турбулентные события последних лет, в конечном счете, отражают энергичное продвижение в будущее локомотива Модернити. И те негативные явления, с которыми мы сталкиваемся, — своего рода издержки модернизации, которая по-прежнему раз-

вивается, хоть и не в простых условиях. И развивается интенсивно²⁵.

Вторая точка зрения заключается в том, что на планете происходят серьезные и, прежде всего, качественные изменения, что процесс модернизации в фундаментальном смысле — в первоначальном и основном значении понятия — зашел в тупик. В мире же набирает силы иной процесс — чаще всего определяемый как «социальный постмодерн» — проявляющийся, то как культурно-цивилизационная полифония, то как более или менее завуалированная демодернизация, а в экстремальном аспекте — как процесс неoarхаизации мира. Эта точка зрения отражена, в частности, в концепции Хантингтона, поскольку речь в ней идет о конфликте различных систем ценностей (культура Модернити — лишь одна из них), о планетарном, «горизонтальном» столкновении существующих культурно-исторических типов общества (цивилизаций).

Данной позиции, однако, свойственна некоторая неполнота. Дело в том, что новая социально-культурная феноменология и система ценностей не сводимы к какой-либо одной, известной и исторически реализованной цивилизации, культурно-историческому типу или идеологической системе. В драматичных событиях последнего времени проступает контур какой-то иной, целостной, хотя не слишком внятной культурной и социальной семантики. То есть не исключено, что, находясь на кромке ветшающей исторической конструкции, мы присутствуем при зарождении цивилизационной альтернативы со своими законами и логикой социальных институтов.

²⁵ «...несмотря на события 11 сентября, Модернити, представленная США и другими развитыми демократиями, осталась доминирующей силой в мировой политике, а институты, олицетворяющие основные западные принципы свободы и равенства, продолжают распространяться по всему миру. Атаки 11 сентября — удар отчаяния против современного мира, который представляется скоростным грузовым поездом тем, кто не хочет на него попасть» (Fukuyama F. Has History Started Again? // Policy (Winter). The Center for Independent Studies. St. Leonards, 2002).

Но в таком случае происходящие события есть не что иное, как «вертикальное», диахронное столкновение цивилизаций. Иначе говоря, столкновение современного мира не с теми культурами, которые хорошо известны и существуют на планете в проявленном виде, но с некой тенью, с призраком цивилизации, нависающей из будущего²⁶.

* * *

Между тем возникает ряд общих вопросов, носящих отнюдь не риторический характер.

Куда движется человечество в ситуации распада прежнего миропорядка? Что становится его альтернативой? Какое обличье примет общество через десять-пятнадцать лет? Что есть социальная реальность? Как она складывается? Кто строит мир, в котором мы живем? Мир, хорошо известный нам, — пожелтевший манускрипт, свалка отброшенных в сторону форм и способов деятельности. Конфигурации нового века утверждают собственную геометрию связей, прочерчивая непривычные горизонты, пересекающие «прежний, дряблый мир». Под флером драматических событий и по правилам *очень большой игры* ведется схватка за открывшиеся пространства бытия.

Борьба эта на протяжении XX в. претерпевала различные метаморфозы. Устремленность к смене миропорядка — центральный тезис манифеста III Интернационала, где провозглашалось: «...национальное государство, дав мощный импульс капиталистическому развитию, стало слишком тесным для развития производительных сил... Перед нами, коммунистами, стоит задача облегчить и ускорить победу коммунистической революции во всем мире». Версии нового порядка прослеживались на протяжении XX в. в дизайне Лиги Наций, в мрачной невнятности *Ordnung*'а, в конструк-

²⁶ Подробнее о цивилизационной и культурной трансформации см.: Неклесса А.И. Неопознанная культура. Гностические корни постсовременности // Глобальное сообщество. Картография постсовременного мира. М.: Восточная литература, 2002.

циях ООН, в манифестах активной деколонизации. В транснациональном бульоне различимы и такие ингредиенты, как идеалы мирового гражданского общества, неолиберальная футуристика, пестрые прописи альтерглобализации (не исчерпывающиеся ее прочтением современными антиглобалистами).

В последнее десятилетие века осмысление глобализации явно доминировало в направлениях социальной мысли, стремившейся к формализации изменившегося состояния среды, уяснению пределов и перспектив.

Вектор динамики, в конечном счете, опознается как социокультурная революция, равно меняющая и идеалы мироустройства, и механизмы практической политики. В постпротестантском космосе «стерильная» секулярность, светскость *per se*, предстает не просто наследницей определенных идеалов протестантизма или даже его формальной оболочкой, но, скорее, плодотворной *tabula rasa* новой цивилизации.

Будучи носителем политической корректности, внеинституциональной, индивидуализированной версии христианской культуры и соответствующего цивилизационного содержания (если не идеала), секулярность оказывается — на глобальных просторах — мировоззрением, так сказать, неосновательным, синкретичным, по-своему хрупким. Пребывая в состоянии фактической утраты начал, полудобровольно наложенного на них «эмбарго», она подвергается интенсивному размыванию со стороны разнообразных модификаций неоязычества и традиционализма, «нового невежества» и ориентализма, не имея ни соответствующего иммунитета, ни энтузиазма прежних эпох.

Параллельно в секулярном космосе все явственнее ощущается также присутствие бродильного элемента какого-то иного, подавленного в прошлом универсализма, претендующего стать творческим ферментом Нового мира. И как суммарный результат, на планете обнаруживаются ростки уже и не христианской, и не секулярной версии цивилизации...

В последней трети века двусмысленная, киплинговско-сталинская, культурно-политическая и «горизонтальная» оппозиция *Запад — Восток* дополнилась социальной вертикалью *Север — Юг* с последующим расширением семантики этих пространств за пределы условной географической локализации, очерчивая планетарные, взаимопроникающие, но все же раздельно, словно слоеный пирог, сосуществующие ареалы «*мирового Севера*» и «*мирового Юга*». Наметившаяся инфернализация этого социокультурного разделения, введение в общественное сознание образов «золотого миллиарда» и противостоящего ему пространства «стран-изгоев», объединенных «осью зла», заставляет вспомнить известные слова Сергея Булгакова о «*переложении иудейского хилиазма... на язык политической экономии*»²⁷.

Ситуация, однако же, сейчас прочитывается несколько иначе, нежели в начале XX столетия. Почти фарсовое сближение эсхатологического противостояния избранного народа миру зла со «*священной борьбой прогрессивного пролетариата и ретроградной буржуазии*» в наши дни заменяется другой, более актуальной оппозицией: противопоставлением «*рыцарского союза демократий Севера мировому плебейству Юга*» (квинтэссенция коего — идея финального для истории конфликта со странами-изгоями и последующее связывание либо развязывание угрозы мировой анархии). Семантическая схожесть обоих мотивов, параллельных христианской апокалиптике, порою просто поразительна.

На данной, не вполне четкой основе выстраивается система мировых связей, включающая изменившуюся картографию планетарного сообщества, номенклатуру и иерархию субъектов, правила поведения. Интерес вызывают как перспективы монополярной, «имперской» структуры социума, так и другие возможности, включая ту или иную формулу биполярности/многополярности либо траекто-

²⁷ Булгаков С.Н. Соч. Т. 2. М., 1993. С. 259.

рии сетевой схемы социальной регуляции, ее метаморфозы и отношения с более привычными модусами управления, возникающие взаимозависимости, симбиозные формы и т. п. Наконец, актуальной темой стал системный терроризм, представляющий часть культуры сетевых организаций.

Феномен «одинадцатого сентября» продемонстрировал, что трансграничное теневое сообщество может стать перманентной угрозой, однако определение природы, механики, движущих сил этой субкультуры порою ставит в тупик не только политиков, но и опытных аналитиков. Новый терроризм эксплуатирует взаимозависимости глобального мира, системный характер протекающих в нем процессов, — предъявляя соответствующую стратегию угроз. Его акции строятся на принципе домино, а менталитет организаторов напоминает стиль мышления опытных шахматистов.

Планетарный контекст повышает значение символических объектов, жестов и процедур при реализации данной концепции действий. В глобализированном сообществе возникает «эффект бабочки», когда событие в одном месте способно вызвать лавинообразные следствия в другом, к примеру, в сфере общественной психологии или финансово-экономических операций, хотя и хорошо управляемых, но достаточно уязвимых для подобного рода влияний.

Несмотря на очевидную трагичность, события 11 сентября 2001 г. важны все-таки не сами по себе. Они оказались прожектором, высветившим происходивший перелом исторической ситуации, и стали триггером для определенных действий.

* * *

Социокультурная революция, развернувшаяся на планете, проявляет себя в процессах и явлениях, меняющих как общественное сознание, так и привычные нормы социальной организации.

Возможно ли человеку или самоорганизующимся группам действовать в качестве суверенного организма, вступая

в конфликт с доминирующими властными системами? Попытки форсированного продвижения *локомотива Модернити* происходят в условиях заметно изменившейся среды, на путях одновременно глобализирующегося и атомизирующегося мира. Мы начинаем прозревать по ту сторону Большого взрыва образ новой земли и нового неба: космоса, парадоксальным образом совместившего черты цивилизации, варварства и архаики.

Рациональный ум способен связывать фрагменты постисторического *puzzle*'а в единый, хотя подчас химеричный образ. В калейдоскопе (пост) современности объединены восточный карнавал на фоне Эйфелевой башни и глинобитные хижины, ошетилившиеся спутниковыми антеннами, караваны верблюдов, навьюченные «Стингерами» и орды кочевников в пыльных одеждах, с ноутбуками в руках и автоматами Калашникова за спиной. Но это — первые прогоны, бета-версии драматического действия.

Некоторым из изменений не уделялось достаточного внимания, по крайней мере, до поры. Так, параллельно с широко обсуждаемой *глобализацией* (складывание системы мирового управления, штабной экономики, единого информационного и финансового пространства, «глобализации корпораций», возможности проекции силы в различные регионы) не менее интенсивно развивается другой драматичный, и, быть может, более значимый процесс. Процесс этот — *индивидуация*, суверенизация активных, влиятельных личностей, вольных в своих действиях, освобождающихся от влияния внешних сил, обладающих доступом к значительным финансовым, экономическим, техническим ресурсам/рычагам действия и наделенных впечатляющим инструментарием, отражающим могущество цивилизации, предоставляя его владельцам возможность при случае чувствительно поражать того или иного Голиафа.

Конечно, следует сразу же оговориться, что под влиянием массовой культуры и психологии потребительского общества поведение большинства людей на планете замет-

но унифицируется, стереотипизируется, уплощается, объединяя субъекта с исполняемой им функцией (ролью). Но параллельно ресурсы и трамплины глобализации, вкупе с порожденными цивилизацией могучими инструментами, создают уникальные условия для экспансии пассионарного индивида в современном мире.

Индивидуация, появление конгломерата новых суверенов: территориальных, корпоративных, сетевых, культурно, идеологически или метафизически ориентированных серьезно изменяет значение прежней системы социальных координат. Новая среда, взаимодействуя с сохраняющимся каркасом цивилизации, есть ситуация эволюционного взрыва, который, в свою очередь, порождает наряду с социальной новизной многочисленные, нередко преходящие химеры. Бурно развивающийся сегмент нового мира — диффузная и персонализированная реальность — существенно изменяет роль мировоззрения, аксиологических реестров, значение моральной и интеллектуальной позиции индивида. Соотношение «*праведников и негодяев*» в «*одной, отдельно взятой местности*» становится едва ли не критическим условием не только ее развития, но и удержания бытия в меняющемся мире.

Новые формулы организации расщепляют прежний социальный текст, предоставляя отсутствовавший ранее «стартовый капитал» амбициозным группам и индивидам. Прежняя гравитация объединяла элитные группировки в планеты под названием «государство». Сегодня *национальные корпорации* (сообщество элит, обитающих на определенной территории; выражение консенсуса властных группировок, имеющих целью синергичные действия во внешней среде) теряют прежнюю эффективность, порождая своеобразные *астероидные группы*, транснациональные не только по *пространству* приложения сил, но также и по своему *составу и целеполаганию*.

Складывается механизм *эффективной частной власти*, новый класс неформальных организаций (как публичных, так и нелегальных), способных совершать политические

действия и другие акции подчас планетарного значения и пропорций. Именно в контексте подобного полифоничного, а в перспективе — диффузного пространства «одинадцатое сентября» прозвучало столь эффектно. Как бы ни расценивали внутреннее содержание «феномена бен Ладена», само появление подобного стереотипа («гиперличность», «личность, противостоящая миру», «человек против цивилизации», «враг мирового сообщества») символично и свидетельствует о многом.

Я бы даже обострил постановку вопроса: не мир и не порядок вещей изменились в тот роковой день, но трансформировались его прочтение, интерпретация, общественная психология, усомнившаяся в привычных устоях бытия, что, в свою очередь, сказалось на деятельности общества, на приоритетах в повседневной работе, а, кроме того, на интересе различных кругов к достижениям в сфере стратегического анализа и прогноза.

* * *

То, что мир никогда не будет таким, каким он был или казался в прошлом столетии, становится очевидным. Однако ландшафт социополитических карт XXI в. неточен, расплывчат, порою двусмысленен. На виртуальных листах видны и контуры «великой суши» Четвертого Рима — грандиозной системы глобальной безопасности, ориентированной на новый орган всемирно-политической власти, и волнистые линии «мирового океана» Нового Карфагена — нестационарной, турбулентной среды новых субъектов действия.

Чтобы не быть голословным, перечислю некоторые проблемы, сопряженные с трансформацией мирового контекста:

- перераспределение властных полномочий с национального на транснациональный уровень;
- появление новых субъектов власти, таких как глобальная держава, международные регулирующие органы, неформальные центры влияния чрезвычайно высокого уровня компетенции;

- кризис культурно-идеологических и практических основ национальной государственности (основного политического инструмента эпохи Модернити), кризис национальной государственности как дееспособной формы социальной организации в ряде стран Юга;
- феномен страны-системы;
- деформализация власти, снижение роли публичной политики и представительных органов, тенденция к расширению зоны компетенции неформальных процедур принятия решений, заключения устных, консенсусных соглашений вместо полноценных договоров;
- наметившиеся горизонты «судейской власти»;
- транснационализация элит и появление новой социальной общности — мирового Севера при параллельной глобализации альтернативного пространства мирового Юга (включая «варваризацию Севера»);
- слияние политических и экономических функций в современном мире, формирование на данном базисе системы стратегических взаимодействий и основ глобального управления
- пространственная локализация (географическая и трансгеографическая) различных видов хозяйственной деятельности, появление новой формы мирового разделения труда, перераспределение мирового дохода и взимание «глобальной ренты», выстраивание геоэкономического универсума;
- развитие транснациональных (корпоративных) сетей сотрудничества и сетевой культуры в целом.

Если подвести предварительные итоги, то можно утверждать: в мире выстраивается динамичная и в то же время иерархичная система связей, а то, что понималось под международными отношениями еще лет пятнадцать-двадцать назад, фактически, не существует.

Действительно, мировые связи перестают быть ареопогом или тем более форумом, где формально равные и суве-

ренные субъекты выстраивают изменчивые, уравновешивающие баланс сил коалиции. В последние годы на планете складывалась своего рода властная вертикаль: глобальная иерархия, включающая институт международных регулирующих органов («глобальная держава», Большая восьмерка, Совет Безопасности ООН, НАТО и т. п.), а на противоположном полюсе — отверженное племя «несостоявшихся государств» и государств-париев.

Данная логика подрывает постулаты, и менталитет Нового времени, обозначая рецидив конструкторов, характерных, скорее, для сословного мира. Другое свойство складывающейся системы — ее нестационарность, активный характер процессов, предполагающий подчас взаимодействие с хаотизированной средой. Это, в свою очередь, приводит к становлению технологий управления («матричное управление»), нацеленных не столько на манипуляции тем или иным объектом, сколько на формирование благоприятных для реализации того или иного проекта ситуаций. Кроме того, стабильность все чаще понимается не как статичная, но как динамичная категория, определяющее свойство которой — способность к опережению негативных событий, их превентивное регулирование (т. е. скорее *crisis management*, нежели *crisis resolution*).

Формируется также *поствестфальская международно-правовая парадигма*, закрепляющая в пространстве международных отношений и в общественном сознании «новый обычай» в качестве нормы своеобразного протоправа. Ее характерные черты — нечеткость законодательной базы, превалирование политической инициативы над юридически закрепленными полномочиями и сложившимися формами поведения государств (важность этого фактора усиливается значением прецедента в англосаксонской правовой культуре), неформальный характер ряда влиятельных организаций, анонимность и принципиальная непубличность значительной части принимаемых решений.

Новацией — в контексте господства норм международного права над национальным законодательством — явилась практика судебного преследования со стороны международных и иностранных органов правосудия отставных и даже действующих глав государств, а также иных лиц, занимающих/занимавших высокие государственные посты. Кроме того, множатся попытки национальных судебных органов принимать решения, обязательные для исполнения иностранными государствами и международными организациями²⁸. Со временем судебная ветвь власти может занять совершенно особое положение в Новом мире, трансформировавшись во власть транснациональную, в отличие от «провинциальных» институтов исполнительной и законодательной власти, тесно связанных с национальной территорией.

* * *

Смена кодов управления — один из важнейших аспектов перемен. Новые оргсхемы и технологии меняют привычный облик власти. Просматриваются симптомы маргинализации «легальной власти» и публичной политики, их отчуждение от решения ключевых вопросов, подмена альтернативной системой социальной регуляции — властью «неформальной», транснациональной, геэкономической.

Эффективное управление сопряжено с доступом к активам и ресурсам, со взаимодействием с персонажами и сообществами. Национальные корпорации долгое время правили миром, но мир существенно изменился. Складывается иная, слабо связанная с национальной лояльностью геометрия коалиций по деловым, культурным, религиозным, этническим либо иным основаниям. Но не только личности или элитные группировки становятся менее связанными с привычными формами социализации — крупные корпора-

²⁸ Примером действий такого рода, воспринимаемым пока как курьез, является, в частности, принятие в начале 2001 г. одним из американских судов (если не ошибаюсь, судом штата Алабама) решения, запрещающего ОПЕК производить манипуляции с ценами на нефть.

ции также, возможно, были лишь генерацией динозавров, становящихся птицами, переходной эпохой в головокружительной гонке все более гибких и динамичных существ, перехватывающих эстафетную палочку бытия.

Происходит экспансия сетевых структур — пестрого конгломерата социальных, политических, экономических, культурных организмов. В их числе клубы различного уровня влияния и компетенции, разнообразные религиозные и квазирелигиозные организации, глобалистские и антиглобалистские структуры, наконец, разного рода асоциальные, террористические организации, пестрый и эклектичный мировой андеграунд. Новая культура, подобно вирусам, может сопридти к присутствию во плоти прежних организмов, в недрах которых прочерчиваются границы новоявленного «столкновения цивилизаций» — конфликта между централизованной иерархией и гибкой сетевой культурой, между администратором и творцом, между центростремительными и центробежными тенденциями.

Сетевая организация лучше приспособлена к динамичному, случается, почти турбулентному состоянию среды, где вместо институциональной функции она реализует дискретные проекты. (При этом многообразии проектных векторов «взнуздывается» кластерным характером матричного управления.) Сетевая культура и расцветает с особой интенсивностью именно на разломах, в моменты кризиса или взлета. В этих условиях дискретная проектная логика способна минимизировать влияние инерционных действий и связанных с ними ошибок.

У подобных образований единая основа — суверенный, деятельный человек. Энергичные, пассионарные личности существовали в мире всегда. Но, как уже отмечалось выше, никогда прежде они не имели такой свободы в оперировании финансовыми и информационными потоками, не обладали столь широкими техническими и инфраструктурными возможностями. Сетевые сообщества (террористические, в частности) формируются из личностей, которые творят не-

кое концептуальное целеполагание, создавая под свои проекты временные виртуальные организации. Если выдвинутая идея (или финансовая цель) содержит аргументированный вызов и привлекательную перспективу, то определенный класс людей собирается в кластер. Эти коллективы могут действовать совместно, не сливаясь при этом в единую организацию, но автономно соприсутствуя в русле разделяемых целей и идеалов. И подобная среда в глобализирующемся мире становится все более действенной и влиятельной.

К сожалению, осознание глубины и радикальности перемен запаздывало, стандартная оценка не выходила за определенные психологические, интеллектуальные или политкорректные рамки. Хотя нельзя сказать, чтобы будущее представлялось безоблачным, особенно в последние годы прошлого века: проскальзывало предчувствие драматичных событий, в числе которых ожидался некий особый террористический акт (предполагалось, правда, что, он будет связан с локальным применением средств массового поражения). Но в любом случае такого рода событие должно было изменить общественное сознание, высветив новизну ситуации и ускорив социальное время. Именно это и произошло.

Многое в настоящий момент видится яснее, несомненен масштаб произошедших перемен, более внятной стала логика трансформации. Наверное, не ошибусь, если скажу, что совершившиеся за короткий по историческим меркам срок изменения коснулись буквально всех сторон социальной реальности. Сломалась не только ось *Восток–Запад*, но заметно преобразилась альтернативная ось *Север–Юг*.

Одно из следствий перемен — дефектность привычного инструментария, что порождает конъюнктурную суету и множит ошибки. В обычных условиях полноценные культурологические штудии, развернутый анализ картины мира, концептуальная разведка будущего не представляют непосредственного интереса для государственного управления и задвигаются на второй, если не третий план. Однако в условиях серьезного искажения перспективы императив удер-

Беседа Христа с книжниками.
Новгородская живопись

жания контакта с реальностью вынуждает производить болезненную смену языка анализа, без чего равно затруднительны и концептуальная разведка, и сценарный прогноз, и нормативное планирование, а порою даже простое понимание и выстраивание шкалы значимых событий²⁹.

Динамизм среды предполагает смену семантики проектирования, введение новых категорий. Меняется номенклатура значимых субъектов, ибо критерий их признания и учета один — степень влияния на события.

Что такое проект? Господин Журден не знал, что говорит прозой. Мало кто из людей осознает, что погружен в пространство перманентного проектирования: создания картин будущего (пусть предельно краткосрочного), способов их реализации и цепочек необходимых действий. Люди, способные соединять подобную рефлекссию с практикой, становятся предпринимателями, политиками, игроками, авантюристами; неспособные — писателями (особенно фантастами). Венчурный проект выстраивается на границе познанной территории и ситуации, отсутствующей как реальность, но которая с высокой долей вероятности реализуется в будущем. Это процесс, льющий воду на вполне определенную мельницу³⁰, и носит он название *преадаптации*, его изюминка — в различении и активном представ-

²⁹ Подробнее о проблеме стратегического планирования см.: Неклесса А.И. Интеллект, элита и управление // Россия XXI. 2002. № 1.

³⁰ Коллизии могут разрешаться двумя способами, охранительным и преадаптивным: (а) более или менее жестким контролем над развитием событий, с целью добиться кратковременного или долгосрочного упрощения ситуации — и даже ее консервативной или радикальной архаизации, пытаясь при этом создать некую, как сказали бы сейчас, «виртуальную» деятельную альтернативу, чтобы снять комплексную проблему, а заодно и ее предпосылки; (б) за счет резкого повышения уровня управления, что позволяет соотноситься наравных с нарастающим усложнением ситуации, одновременно используя потенциал кризиса как непростой ресурс развития самоорганизующейся системы. Очевидно, что и первый, и второй способ являются формами кризисного управления. Причем на практике рождаются управленческие формулы, в той или иной пропорции совмещающие оба алгоритма действия.

лении сущего и должного, актуального и возможного. Так что крот истории вряд ли так уж слеп и, во всяком случае, прозорлив.

Горизонт рационального прогноза в последние годы заметно сжимается, это явно не та технология, которая может эффективно функционировать в радикально меняющемся мире. Социальная среда не только изменчива сама по себе, но — что серьезно усложняет анализ — изменчивыми оказываются познанные закономерности и стандарты. Сегодня многие вроде бы проверенные временем алгоритмы не работают или работают недолжным образом. Прогностика вступает в период доминирования креативных моделей, имеющих короткий срок эффективного действия, т. е. спроектированных *ad hoc*, — применительно к той или иной ситуации.

Лучше других новое положение вещей — со всеми возможными оговорками — понимают, по-видимому, США, что подтверждается их действиями, которые, если обобщить происходящее, являются преадаптацией, т. е. реализацией одной из версий активной политики (необязательно оптимальной), нацеленной на опережение событий, частично отраженной в концепции нанесения превентивных ударов по странам, угрожающим Америке. Фактическое применение алгоритма преадаптации началось раньше 2001 г. Мозаика неурегулированных до конца конфликтов с внешним участием (а тут можно вспомнить не только Ирак, Афганистан или Косово, но и другие, менее заметные ситуации) выстраивается в типологический ряд.

Образующиеся в локальных провалах цивилизации «вмятины бытия» — симптомы иной формы жизни, отвергающей привычный реестр привилегий, даже для себя. Освобождаясь от вложенных историей смыслов, они возрождают память о былых триумфах и сокрушениях, *«дабы созданное чужою рукой обратилось в ничто»*.

Умножаясь в числе и расширяясь в пропорциях, динамичная патина социальных вывихов и пришедших извне

властных компенсаций сливается в оригинальный социально-топологический синтез — комплексный рельеф контролируемого, если и не управляемого, хаоса в преддверии подсознательно чаемого, если и не ожидаемого часа суда. (Ибо пропущенный час, равно как и обманутые надежды, взывают к отмщению, свергая заодно прежних кумиров и мироправителей.)

Умаление законов и ослабление скреп бытия, некогда осуществленные ради торжества свободы, оборачиваются развращением самой свободы, обращением ее в публичную девку ради закрепления начертанных чьей-то рукой (пост) современной редакции «законов справедливости» — этой шаржированной, но вполне популярной карикатуры массового кенозиса. Неудивительно, что в какой-то момент приходят «судебные исполнители»

* * *

Глобальная конструкция, выстраиваемая на протяжении столетия, не может существовать вне собственной системы властной регуляции. За развязыванием прежнего порядка следует его новое стяжание либо «разрешение запрещенного». Даже такие организации, как Большая восьмерка и Организация североатлантического договора, — лишь этапы на пути строительства новой политической культуры.

На сегодняшний день внимание сфокусировано на властных трансформациях Соединенных Штатов.

После событий «одиннадцатого сентября» Америка предложила миру версию «глобальной доктрины Монро», преобразаясь в квази-имперскую структуру планетарных пропорций³¹. И хотя Вудро Вильсон видел историческую миссию страны именно в универсальных категориях, провозглашая: *«Мы создали эту нацию, чтобы сделать людей свободными, и мы, с точки зрения концепции и целей, не ог-*

³¹ «Национальная стратегия безопасности», подписанная Джорджем Бушем-младшим 21 сентября 2002 г.

раничиваемся Америкой, и теперь мы сделаем людей свободными. А если мы этого не сделаем, то слава Америки улетучится, а вся ее мощь испарится». Подобные идеалы не слишком укладывались в политическую семантику эпохи Модернити.

Однако в «новом американском веке» Соединенные Штаты фактически не являются национальным государством. Америка обрела особый статус (с его постепенной легитимацией), становясь на практике глобальной регулирующей державой. Страной-системой, чьи рубежи — не административно-политические границы национальной территории, но зона жизненных интересов, имеющая тенденцию к глобальному охвату.

Соединенные Штаты — самая мощная страна (страна-система) в мире, источник стратегической инициативы, «господствующая мировая держава», по выражению бывшего Госсекретаря США Колина Пауэлла. Это своего рода Новый Рим, «мировой город», окруженный концентрическими кругами «провинций» и зависимых стран³². С началом века аллюзии на данную тему становились все ярче: принятие ключевых решений в сфере мировой политики, позиция защитника цивилизации в противостоянии мировому варварству, олицетворяемому терроризмом (хоть и реализуемом подчас при участии варварских армий, союзников и наемников), едва ли не императорские полномочия консула-президента, зона национальных интересов, простирающаяся практически на всю доступную Ойкумену... Но завязнув в Ираке (и соучаствуя в менее позиционированной в обще-

³² Это уже несколько иная версия глобализации, отходящая от недавних прописей. США несколько парадоксальным на первый взгляд образом начинают выступать с позиций своего рода «глобального неоиоляционизма», выводя себя за пределы общего круга глобализации («коллективные действия», «международные организации», «движение людей», «Киотский протокол», «создание международных судебных органов» и т.п.). В этом смысле можно даже говорить о своеобразном, даже парадоксальном «глобалистском антиглобализме» США.

ственном сознании Афганской кампании), США видят определенный стратегический предел своим возможностям.

В качестве критических сроков для доминирования Америки назывались 2015–2020 гг., но подчас и более ранние, и более поздние рубежи, при одном условии: если не действовать на опережение негативных тенденций и событий, но именно поэтому действовать приходится сейчас. Хотя в определенном смысле акции, осуществляемые США, вообще не имеют временной границы³³. Скорее они вписываются в некий стратегический дизайн, представляя звенья, «опорные площадки» гибкой, динамичной системы управления турбулентными процессами на планете (контроль над ключевыми/критическими зонами и образуемые вокруг них оперативно-тактические коалиции), которая идет на смену прежней, статичной системе международных отношений.

Представляется, что для Соединенных Штатов важна все-таки не «полная и окончательная» победа в том или ином конфликте, а нечто иное: перед Америкой стоит масштабная задача — перехват и удержание стратегической инициативы, создание, апробация, утверждение новой схемы мирового управления. А в региональных ситуациях опять-таки первую скрипку играют контроль и управление, а не присутствие и владение. Но контроль и управление не статичным пространством, а динамикой набегающих друг на друга трендов.

Я бы охарактеризовал подобную, во многом еще гипотетичную конструкцию как динамичную, глобальную систему мировых актуальных связей (*intra-global relations*), чтобы отличить от прежней, сбалансированной и стационарной системы формализованных международных отношений (*inter-national relations*). Особенно если учесть делегирование национальными государствами своих компетенций

³³ «...война не закончится до тех пор, пока не будут обнаружены, схвачены и обезврежены все до единой террористические группировки на земле» («Обращение к нации» Дж. Буша-младшего 20 ноября 2001).

ныне, как минимум, по трем векторам (если не четырем): глобальному, конфедеративному, субсидиарному, а также увеличение числа и разнообразия реальных участников мировых событий.

Трансформация в политические интегрии — явление, характерное не только для США. Мутации политических институтов, порою в существенно различных формах, происходят в разных уголках мира. Квази-государство «Шенген», по сути — также страна-система, равно как и Большой Китай, вбирающий в себя Гонконг, Макао, в перспективе — Тайвань и связанный тысячами нитей с диаспорой *хуа-цяо*. Можно вспомнить и о призраке Халифата, который с некоторых пор бродит по планете, — все это актуальные модификации и проекты стран-систем.

Наконец, Россия в контексте постсоветского пространства традиционно рассматривается то ли как рудимент, то ли зародыш квази-имперского организма, не слишком укладывающегося в конструкты «национального государства». Статус России, ее геополитическая геометрия в настоящий момент носят транзитный характер. Во второй половине прошлого века страна принадлежала к технологическому сообществу, приблизившись к постиндустриальному состоянию. Ее статусную капитализацию отражает присутствие в Совете Безопасности ООН, а также вступление в последний год существования в мегаклуб Большой семерки (восьмерки). Сегодня же сумма достоинств и недостатков позволяет рассматривать ее в качестве региональной державы примерно в одном ряду с такими государствами, как Бразилия или Индия (но есть особенность: геоэкономическая специфика России соответствует не страте Нового Востока, а, скорее, сырьевых государств Юга³⁴).

³⁴ Симптоматично, что время от времени поднимается вопрос о членстве страны в G-7/G-8 (финансовая и политическая ипостаси клуба) и даже о членстве в Совете Безопасности.